

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение в предысторию написания этой книги	5
Глава 1. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: МЕТОДЫ И ПРИМЕРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ	25
Глава 2. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ 1991 г.	55
Глава 3. Социально-политологическое исследование общественного сознания жителей Казахстана и построение семантического пространства политических партий 1992 г.	94
Глава 4. Психосемантическое исследование политического менталитета (Россия: 1991–1993 гг.)	150
Глава 5. Психосемантический анализ отношения к политическим партиям России избирателей накануне парламентских выборов (декабрь 1995 г.)	173
Глава 6. Образ политической и экономической реформ в сознании граждан России	189
Глава 7. Динамика политического сознания как процесс самоорганизации.	231
Глава 8. Динамическая модель изменения политического менталитета россиян	252
Глава 9. Психосемантический анализ динамики качества жизни россиян.	262
Глава 10. Социальные представления прошлого: психосемантическая реконструкция	283
Глава 11. Психосемантический анализ имиджа политических лидеров	308
Глава 12. Психосемантический анализ восприятия политических лидеров (на материале выборки южнокорейских студентов)	332
Глава 13. Опыт использования психосемантической методики «Образ политического лидера» для сопоставительных исследований восприятия имиджей политических деятелей	352
Глава 14. Язык метафоры в рейтинге политических лидеров	376
Глава 15. Психосемантический анализ геополитических представлений России	386

Глава 16. ИМИДЖ ГОСУДАРСТВА. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: РЕКОНСТРУКЦИЯ И ИЗМЕРЕНИЯ	415
Глава 17. ПСИХОСЕМАНТИКА МЯГКОЙ СИЛЫ В ГЕОПОЛИТИКЕ	429
Глава 18. ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН	446
Глава 19. ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИМ МЕТОДОМ «МНОЖЕСТВЕННЫХ ИДЕНТИФИКАЦИЙ»	462
Глава 20. К МЕНТАЛЬНОСТИ ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА (СОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ДАГЕСТАНСКИХ ЖЕНЩИН)	498
Глава 21. СТЕРЕОТИПЫ ПОВЕДЕНИЯ ВЕРУЮЩИХ ПРАВОСЛАВНЫХ И НЕВЕРУЮЩИХ РОССИЯНОК	526
Глава 22. КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТЕРЕОТИПОВ ЖЕНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИИ И США)	546
Вместо заключения	586

ВВЕДЕНИЕ В ПРЕДЫСТОРИЮ НАПИСАНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

Настоящее издание книги «Политическая психология: психосемантический подход» представляет собой собрание опубликованных, начиная с 1991 года, различных статей в области политической психологии. Мы публикуем эти статьи с указанием места и времени их издания, не сделав ни одного изменения в тексте статей, чтобы не быть «крепкими задним умом». Вместе со всеми соотечественниками мы испытывали как надежду, так и разочарования относительно происходящих исторических событий, и настоящее издание их в одной книге представляет собой своеобразную историческую летопись новейшей российской истории, описанную нами в рамках психологической науки методами психосемантики.

Как писал Гегель, (предваряя на эту тему идеи З. Фрейда), любое наше произведение (будь то даже портрет другого человека) есть проекция самого творца произведения искусства. По нашему мнению, в той или иной степени, это верно и для научного исследования, где жизненные мотивы, философские воззрения и методологические установки исследователя определяют направленность его интересов, влияют на выбор объекта исследования, метода и операциональных средств познания, и, наконец, на построение модели (картины мира, частью которого является как объект исследования, так и сам исследователь). Как отмечал А. Эйнштейн, «наши теории определяют, что именно мы измеряем». Использование математического аппарата, хотя и придаёт видимость объективности исследования, эксплицируя структурные связи, не рефлексируемые на уровне сознания, тем не менее не снимает проблемы субъективности, так как математические операции являются, по сути, тавтологическими преобразованиями (Тарский, Рассел), не порождающими новую информацию, а проецирующими её в удобной для исследователя форме. Но, конечно, исследователь заинтересован не в изучении проекции собственной личности, а в познании изучаемого объекта и в предсказании его динамики и развития. Тем не менее мотивы и ценностные установки исследователя не только влияют на построение картины мира изучаемой реальности, но и в значительной мере определяют эволюцию самой этой реальности. Особо это справедливо в гуманитарной сфере, где описан феномен так называемого «самореализующегося прогноза» (см. Merton,

1968). Научные предсказания и теории, будучи усвоенными массами населения (или даже отдельными принимающими решение лидерами), направляют социальный процесс в то или иное русло. Примером тому могут служить теоретические построения, в общем-то, кабинетного ученого Карла Маркса, вряд ли предполагавшего, какого демона насилия он выпустил, разработав идею классовой борьбы. Тут сразу можно возразить, а что, разве не существует противоречий между трудом и капиталом? Конечно, они наличествуют, как и, впрочем, своеобразный симбиоз труда и капитала, дающий возможность пролетарию получать за свой труд средства к существованию. Но реализация этих отношений возможна не только в ситуации антагонистической борьбы («весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...»), но и в русле социальной кооперации, которую можно было наблюдать, например, на заводах Саввы Морозова в России или на практике социал-демократических преобразований в Скандинавских странах. Можно строить и иные, отличные от марксистской трактовки, истоки происхождения «прибавочной стоимости», определяя ее не как результат отъема части труда у пролетария, а как естественный прирост производительности труда в силу технического прогресса общества, создаваемого трудом ученых и инженеров. Теории эксплуатации последних никто еще не предложил, хотя современное производство базируется на технологических новшествах, позволяющих, благодаря автоматизации и использованию 3-Д технологий, полностью исключить человека из непосредственно производства. То есть возможны различные методы анализа и различные формы интерпретации одного и того же социального процесса. Поэтому для представления читателю исследований в рамках психосемантического подхода в политической психологии нам кажется полезным описать историю и мотивы его возникновения. Отметим при этом, что психосемантический подход в политической психологии ограничен кругом конкретных задач и методов и, естественно, заведомо уже областью политической психологии.

В семидесятых и восьмидесятых годах прошлого столетия я, Петренко В. Ф., будучи преподавателем, а затем и профессором МГУ, принадлежащим к школе отечественной психологии Выготского-Леонтьева-Лурии (А. Р. Лурия в мои студенческие годы читал нашему курсу общую психологию, а А. Н. Леонтьев был научным руководителем моей кандидатской диссертации), достаточно успешно развивал методологию построения многомерных семантических пространств как операциональных моделей категориальных структур сознания (образа или картины мира). Истоки

этого направления восходят к американским психологам Чарльзу Осгуду (Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957) и Джорджу Келли (2000). В те времена на факультете разрабатывалась, в основном, проблематика познавательных процессов (внимание, восприятие, память и мышление), а также руководимая А. Р. Лурией и Б. В. Зейгарник проблематика медицинской и патопсихологии. Были представлены также детская и педагогическая психология (П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина) и инженерная психология (В. П. Зинченко, Ю. К. Стрелков). Проблематика психологии личности практически не существовала, и студенческий учебный курс по общей психологии заканчивался на разделе «Мотивация».

Будучи заядлым туристом, я уже в студенческие годы побывал в республиках Средней Азии, Кавказа, Прибалтики, бывал в регионах Дальнего востока, Сибири, Камчатки и Чукотки, сталкиваясь с многоцветием обычаем и культур, проникся интересом к проблематике национальной психологии. Напомню, что в тридцатые годы прошлого века молодой тогда психолог А. Р. Лурия, развивая идеи культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, проводил исследования восприятия и мышления жителей Узбекистана. Его эпохальная телеграмма Выготскому, гласившая: «У узбеков нет иллюзий», — была следствием того, что проведённые исследования зрительного восприятия показали отсутствие визуальных иллюзий у узбеков, не прошедших школьного обучения, и не соприкоснувшихся в силу этого с законами стереометрии, знание которых и вызывает соответствующие иллюзии восприятия. Другое исследование Лурии в ходе этой экспедиции было направлено на изучение рефлексии и силлогистического мышления у узбеков, не прошедших школьного обучения. Лурия описал конкретность и неразвитость логического мышления у таких людей, их неумение делать умозаключения на основе большой и малых посылок: «На севере арбузы не растут, город Н-ск на севере. Растут ли там арбузы?» Испытуемые отказывались выносить суждения на эту тему, мотивируя тем, что они никогда не были в Н-ске и не могут знать, растут ли там арбузы.

Этническая психология, изучавшая специфику мышления и особенности национального характера, успешно стартовала в начале двадцатых годов прошлого века: уже в 1920 году Г. Г. Шпет организовал первую в России лабораторию этнической психологии, а в 1927 году издал книгу «Введение в этническую психологию». Но в тридцатые годы подобные исследования были свёрнуты по идеологическим мотивам, а сам Шпет репрессирован. До семидесятых годов эта тематика оказалась

практически под запретом, и, наверное, первым исследователем, вернувшимся к этой проблематике, был мой старший друг — казахский психолог Маджит Муканович Муканов, исследовавший мышление представителей традиционных культур. Муканов — сам представитель традиционной культуры (родился в племенном объединении Малый жуз на берегу Каспийского моря), до совершеннолетия практически не знал русского языка. Во время Великой Отечественной войны он воевал, летая на поставленном американцами по ленд-лизу самолете «аэрокобра». Окончив после войны педагогический институт, Муканов первый после вынужденного перерыва в советской психологии начал исследования этнической психологии на материале казахского этноса, повторяя экспериментальную логику исследований Лурии на материале пословиц, поговорок, форм прецедентного права в казахской культуре. Муканов убедительно показал, что в мышлении представителей традиционного общества также присутствует рефлексия, но не в форме структур европейской логики, а посредством коррекции и использования рефлексивных структур, имплицитно содержащихся в национальном фольклоре, в мышлении представителей традиционного общества. Работы М. М. Муканова вызвали живой интерес Жана Пиаже и Леви-Стросса, с которыми он был в переписке. Относительно же меня, участие в конференции, проведенной в 1973 году в Алма-Ате, и дружба с М. М. Мукановым и его сыновьями мотивировали мой интерес к этнопсихологии, но, в отличие от кросс-культурных исследований в области познавательных процессов, меня в большей степени интересовали специфика картины мира этноса, религиозные и ценностные установки.

Совместно с моими аспирантами, соискателями и студентами, мы развернули исследования на материале русской, грузинской, азербайджанской, киргизской, литовской культур. В этих исследованиях мы строили семантические пространства на базе фразеологизмов национальных языков или на материале поступков в предлагаемых обстоятельствах. Был использован разработанный мною метод «множественной идентификации», когда представители различных культур оценивали вероятность свершения того или иного поступка, поведения применительно к самому (самой) себе, своим родителям (матери или/и отцу), своему идеалу, а также применительно к множеству образов «значимых других».

Построение семантических пространств, их размерность (когнитивная сложность) и характер личностных конструктов отражают специфику менталитета представителей того или иного этноса. Но первая же

статья по этнопсихологии из этого цикла, сданная в начале восьмидесятых в журнал «Вопросы психологии» и получившая все положительные отзывы (в том числе академика РАО А. В. Петровского), пролежала тем не менее без движения много лет. Идеологическая позиция государства: «В СССР создана новая социальная общность — советский народ» не допускала возможность исследования этнических различий. И только с «перестройкой», когда М. С. Горбачев после волнений в Казахстане, вызванных сменой руководства республики, выступил с речью о том, что «наши рассуждения по поводу национальных отношений похожи больше на заздравные тосты» и что надо изучать эту проблематику, журнал смог опубликовать первую статью из этого цикла.

О событиях, вызвавших такую реакцию руководства СССР, следует рассказать особо. Волею судьбы я находился в Алма-Ате на горнолыжной базе Чимбулак (расположенной выше известного катка Медео), когда по телевидению сообщили о замене первого секретаря компартии республики — казаха Д. Кунаева на ставленника Москвы русского Г. Колбина. Хотя на базе находилось довольно много казахских спортсменов, я был удивлен слабой реакцией на это событие присутствующих. Но оказалось, как говорится, «ещё не вечер». Утром следующего дня, когда мы завтракали в компании с врачом базы и первым казахским космонавтом, приехавшие из Алма-Аты спортсмены сообщили, что там начались волнения и демонстрации. Поскольку мне все равно требовалось побывать в городе, я за несколько часов спустился в долину и, дойдя до городской автобусной остановки, стал свидетелем неповторимого зрелища. Толпа возбужденных молодых людей, вооруженных палками и даже вилами, несла впереди колонны портрет В. И. Ленина с транспарантом его изречения: «Каждый народ нуждается в своих собственных национальных руководителях». То есть националистическое, по сути, выступление (как выяснилось, в студенческие общежития приходили агитаторы, возбуждающие молодежь на выражение протеста) в своем внешнем выражении использовало одежду коммунистической идеологии.

Этот феномен по другому поводу был описан и Освальдом Шпенглером в книге «Закат Европы» и назван «псевдоморфизмом», по аналогии с тем, когда в результате вымывания горных пород их пустоты занимают другие минералы, сохраняющие формы предыдущих. Используя эту метафору, Шпенглер описывает, как во времена Великой Французской революции 1789 года использовались лозунги и символы республиканского Рима.

Но вернемся к событиям в Алма-Ате в декабре 1986 года. К вечеру центр событий переместился к площади перед зданием ЦК компартии. Огромная возбужденная толпа на Новой площади, и к ней подходят всё новые и новые люди, вначале как любопытствующие, а затем переходящие в активных участников. Я сам, находясь среди возбуждённой толпы, со своей европейской физиономией чувствовал себя весьма напряженно (ведь согласно известному анекдоту, «быют не по паспорту, а по физиономии»), но так же, как все присутствующие, ощутил негодование, когда на нас обрушились потоки воды из водомётов. Властные структуры не нашли ничего лучшего, как направить водометные машины на толпу, только усилив ее агрессивность. Полетели камни в безоружных курсантов, стоящих в оцеплении перед правительственные зданиями. Сказывался психологический непрофессионализм властных структур, которые при правильном действии могли направить внимание толпы (в массе состоявшей из пришедших понять происходящее) на выступление-разъяснение авторитетных политических лидеров или перенаправить внимание протестующих на зрелищное представление (см. работу (Назаретян, 2005) о методах воздействия на неуправляемое стихийное поведение и о техниках превращения агрессивной толпы в толпу зрелищную). Местная власть оказалась неспособной к психологически грамотной работе с населением и попросту самоустранилась или же, возможно, была сама заинтересована в эскалации событий. Агрессивность толпы подпитывалась агрессивными же слухами. На импровизированную трибуну поднимались молодые парни, неожиданно ощущившие собственную значимость, и вещали о том, что аксакалы со всего Казахстана едут в Алма-Ату в поддержку восставших (что было домыслом). Другим, уже вовсе абсурдным домыслом, было утверждение, что танки НАТО (неизвестно откуда взявшиеся) двигаются к границам Казахстана в помощь протестующим. Люди жадно ловили любую информацию, а центральное и местное телевидение в это время вещало о волнениях на Филиппинах и ни слова не сообщало о происходящем «у себя под носом». Таким образом, здесь налицо была полная политическая и психологическая некомпетентность. Эти события и ряд последующих (волнения и расстрел толпы в Литве, резня в южной Киргизии между киргизами и узбеками, кровавый разгон протестующих в Тбилиси, наконец, противостояние армян и азербайджанцев в Карабахе, резня в Сумгаите) и заставили руководство страны обратить внимание на необходимость исследований межнациональных отношений и национальной психологии.

В условиях тоталитарной власти гораздо легче было обеспечивать единство многонациональной страны, чем в ситуации демократических преобразований «перестройки». В 1989 году я, совместно с В. В. Кучеренко, руководил этнопсихологической студенческой экспедицией на Чукотку. Промежуточная остановка нашего путешествия — Магадан — удивила меня доброжелательной и спокойной атмосферой. После нервной, напряженной Москвы «столица Колымского края» производила впечатление полной безмятежности. Но и здесь местный коллега говорил мне о необходимости создания независимой «Дальневосточной республики». Политизация коснулась даже «медвежьего угла», когда мы на маленьком вертолёте добрались до посёлка «Верхняя Парень» — конечной цели нашей экспедиции. Посёлок представлял собой несколько деревянных изб (школа, клуб) и множество чумов, где жили эвенки, коряки и чукчи, мужское население которых занималось ловлей рыбы и пасло в радиусе нескольких сот километров стада оленей. Прилет вертолёта с «большой земли» — событие чрезвычайное и практически всё наличное население посёлка выбежало на его встречу.

Помню первое впечатление после того, как мы вышли из вертолёта. Группа выпивших крепких парней, с большими охотничими ножами на боку, дралась между собой. Время от времени кто-нибудь из них отделялся от группы дерущихся и подходил чинно поздороваться с нами за руку. Удивил первый же вопрос: «А что эти литовцы от нас хотят?» (стоит напомнить о национальных волнениях в Литве в то время). В дальнейшем местное население оказалось чрезвычайно дружественным и весьма патриотичным. Во время Великой Отечественной войны местные охотники и оленеводы на собачьих упряжках добрались до Магадана, чтобы воевать за Родину. Их поблагодарили и оставили на случай возможной войны с Японией.

Сравнивая поведение в межнациональном общении малых северных народов и представителей ряда больших республик (упомянутый Казахстан был в этом плане одной из более благополучных республик), я испытывал недоумение.

Перед поездкой на Чукотку я был в Грузии. Оппонировал диссертацию. Всегда дружелюбные и гостеприимные грузинские коллеги умели превращать научное общение в маленький праздник. Так было и в этот раз. Поднимали тосты за докторанта, за науку. Сидевший рядом со мной грузинский профессор, милейший человек, которого я хорошо знал, неожиданно поинтересовался у меня о том, как я отношусь к академику

Сахарову. Дело в том, что незадолго до этого Сахаров назвал Грузию малой империей, а Россию, соответственно, большой. На вопрос о Сахарове я ответил, что глубоко уважаю этого выдающегося учёного и мужественного человека. Реакция была неожиданная. Меня попросили встать и высказали всё, что думают о Сахарове, России и заодно обо мне.

Понятно отношение населения прибалтийских республик, присоединённых к СССР по пакту Молотова — Риббентропа, сопровождавшегося массовыми репрессиями. Но как объяснить массовые негативные установки населения ряда Закавказских и Среднеазиатских республик, получавших значительные дотации от центральной власти? Можно вспомнить и то, как вся страна участвовала в восстановлении Ашхабада и Ташкента после землетрясений.

Напомню также, что в годы советской власти три республики (Россия, Азербайджан, Белоруссия) выступали донорами общесоюзного бюджета, а даже «ширая» Украина, не говоря о Грузии, занимавшей (наряду с республиками Прибалтики) одно из лидирующих мест по уровню жизни, являлись дотационными. Говоря о донорстве/дотационности, справедливости ради, стоит учесть специфику внутренних цен в СССР. Так, исходя из требований социальной политики, были занижены закупочные цены на зерно (а его производители — Россия, Украина, Казахстан).

На бытовом же уровне было распространено мнение о том, что республики «кормят Москву». Мой киргизский аспирант в частной беседе доказывал, что стоит Киргизии отделиться от России и начать продавать мясо в Европу, как наступит благоденствие. Такие бытовые настроения были широко распространены, и можно приводить огромное количество примеров, в том числе и из личного опыта. Например, когда на родном факультете психологии МГУ проводилась первая в его истории конференция аспирантов и молодых учёных по проблемам межнациональных отношений, в выступлениях ряда молодых коллег звучали разного рода претензии к России. Эти ребята поступали в МГУ по республиканским квотам, вне конкурса (мне, например, в своё время удалось поступить на факультет только с третьей попытки) и никогда ранее не подчеркивали свою национально-республиканскую принадлежность.

Парадоксально, что в условиях горбачёвской демократизации национальный вопрос вдруг обострился, даже у тех, кто, казалось бы, наиболее благополучен, в отличие, например, от упомянутых выше малых северных народов. Я склонен объяснять это тем, что в союзных республиках в условиях монополии власти КПСС сформировалась своя национальная

бюрократия, своя элита, имеющая свои, отличные от центральной власти, интересы. В первую очередь она, а вовсе не широкие массы населения, значительно проигравшие при распаде Союзного государства, была заинтересована в независимости республик, ибо они получали в этом случае ещё большую власть. Но вернёмся от этого отступления и расскажем об экспедиции на Чукотку к событиям 1990 года.

На «Большой Земле» в это время вовсю шли демократические преобразования. Возникали новые политические движения, национальные фронты, появились (помимо КПСС) новые политические партии. Кстати, среди новых политических партий первой зарегистрированной оказалась ЛДП Жириновского, что косвенно свидетельствует о её близости к соответствующим правоохранительным структурам. Сама КПСС, по словам соратника М. С. Горбачева и идеолога партии Егора Яковлева, была «беременна многопартийностью», так как внутри партии возникло, по крайней мере, пять течений. Консервативное крыло КПСС, воспользовавшись тем, что Горбачёв находился в поездке за рубежом, выпустило знаменитый манифест Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», критикующий политику Горбачева с позиции неосталинизма. Нарастала политическая напряженность, сопровождавшаяся экономическими проблемами, обусловленными, в частности, резким падением мировых цен на нефть, составлявшую основу экспорта.

Вызванная «перестройкой», новая политическая реальность требовала своего осмыслиения и рефлексии. Но отсутствовала даже чёткая система понятий для рефлексии политической ситуации. Так, коммунистическую партию в отечественной либеральной прессе называли «правыми», как обычно называют консерваторов. Но во всем мире коммунистические партии представляют собой полюс левых движений. Вообще же традиция деления политических сил на «левых» и «правых» восходит к Великой Французской революции 1789 года, где в Конвенте (республиканском парламенте) якобинцы (наиболее радикальные революционеры) сидели слева, а жирондисты (консерваторы) — справа. Середину занимали колеблющиеся («болото»). Такая одномерная классификация политических сил, перенесенная с 18-го века на перестроенный СССР, была явно неадекватна. Возникал вопрос, а какова действительно размерность политического пространства? Какова система категорий, по которым различаются и могут быть классифицированы политические партии? И наконец, как разместятся в этом политическом пространстве (каковы их координаты) политические партии, существовавшие на тот момент?

Желание понять, «куда несёт нас рок событий», побудило нас попробовать применить методологию психосемантики, успешно реализованную нами в области этнической психологии, для решения указанных задач в области политической психологии.

В конце восьмидесятых годов прошлого века появились первые публикации в области политической психологии (Радзиховский, 1989; Шестопал, 1990; Юрьев, 1992; Сатаров, 1997). Это были, в основном, анализ учеными актуальных политических событий и обзоры зарубежных работ.

Например, в статье Л. А. Радзиховского (1989) содержался блестящий анализ истории противостояния И. В. Сталина и Л. Д. Троцкого как борьбы революционно-романтического аспекта диктатуры пролетариата и тоталитарно-бюрократической версии диктатуры власти, закончившейся, как известно, убийством Троцкого и уничтожением большинства революционеров, стоявших у её истоков. «Революция, как бог времени Хронос, пожирает своих детей». Л. Радзиховский приводит цитату из статьи Троцкого, представляющую интерес и сегодня: «В бедной стране, а СССР и сейчас еще очень бедная страна, где ... достаточная пища и одежда всё еще доступны лишь меньшинству населения, — в такой стране миллионы бюрократов, больших и малых, стремятся, прежде всего, разрешить свой собственный «социальный вопрос», обеспечить своё благополучие. Отсюда величайший эгоизм и консерватизм бюрократии, её страх перед недовольством масс, её ненависть к критике, её страх перед неудовольствием масс, её бешеная настойчивость в удушении всякой свободной мысли, наконец, её лицемерно-религиозное преклонение перед вождём» (Троцкий, 1935).

В новаторских публикациях по политической психологии, в подчас глубоких рассуждениях, частично сдобренных социологическими выкладками, как в публикациях Юрьева, тем не менее отсутствовали какие-либо методы, присущие собственно проблематике политической психологии. А науку, в первую очередь, определяют методы. И только в исследованиях Г. Сатарова использовалась близкая к психосемантике методика, позволяющая по результатам голосования депутатов Верховного Совета прогнозировать их возможные блоки и фракции. Эти исследования Г. Сатарова обусловили то, что он стал советником Б. Н. Ельцина и получил в своё время высокий рейтинг среди политических лидеров.

Областью изучения политической психологии может выступать как анализ менталитета отдельных политических руководителей, так и содержание общественного сознания различных политических и этнических

групп населения. Представляется интересным в рамках политической психологии исследование характера и темперамента лидеров и населения. Плохо изучена специфика ценностей (политических, философских, религиозных, этнических) руководства и населения различных стран. Как отмечала выдающийся патопсихолог Блюма Вульфовна Зейгарник, устойчивость личности обуславливают её дальнние мотивации. Так и для прогноза развития государства важны «модели потребного будущего» (в терминах Н. Бернштейна), важна «национальная идея», столь искомая и столь неопределенная для сегодняшней России. Совершенно не изучены глубинные архетипы коллективного бессознательного, присущие той или иной культуре, которые актуализируют широкие семантические пласти ассоциаций и образов, влияющих на политические приоритеты. В плане внешней и внутренней политики представляет интерес восприятие населением собственной страны и их образы зарубежных стран. Интерес к этой проблематике, а главное — желание понять, «куда несёт нас рок событий», и побудили нас приступить к изучению политической ситуации СССР и анализу менталитета его граждан.

Начиная с 1990 года, мной и Ольгой Валентиновной Митиной было развернуто исследование политического сознания и ставилась задача построения семантического пространства политических партий. Представляется необходимым представить моего сотрудника, соавтора и единомышленника по психосемантическому подходу. Ольга Валентиновна на тот момент окончила аспирантуру мехмата МГУ, и перед ней стояла дилемма, к какой области науки приложить свою математическую компетенцию. Рожденная и воспитанная в семье ученых-физиков, она с детства была мотивирована на служение науке. Мы познакомились на одном из выездных междисциплинарных семинаров, проводимых МГУ. Я предложил Ольге ставку в своей лаборатории, и она согласилась. Забегая вперед в развития событий, отмечу, что Ольга, будучи сотрудником, за пару лет окончила вечернее отделение факультета психологи, и еще через пару лет защитила под моим руководством кандидатскую диссертацию. Но возвращаясь в прошлое, т.е. в 1990 год, время, когда мы начали разворачивать наше первое исследование по политической психологии, ставящее задачу построить семантическое пространства политических партий. Нами была разработана оригинальная схема исследования, никогда и никем не применявшаяся, и не было никакой гарантии, что удастся её реализовать и получить осмысленные результаты. Кроме отсутствия уверенности в возможности реализации замысла в чисто научном плане, было опасение,

что на несанкционированное никакой официальной структурой политическое исследование обратит своё внимание Комитет Государственной безопасности (КГБ). Не то что мы планировали что-то крамольное, но исторический опыт жизни под бдительным оком «Большого брата» приучил «не высовываться». За более невинную в плане идеологии научную тематику (педологию, генетику, кибернетику и т.п.) множество учёных в различные периоды советской истории были репрессированы. Но, видно, горбачевская демократизация уже значительно раздвинула границы дозволенного или просто у КГБ были более серьёзные проблемы (а проблемы в стране были действительно серьезные), но никто и ничто не помешало реализации нашего замысла.

Материал для опросника, по результатам ответов на который предполагалось построение семантического пространства политических партий, мы решили взять непосредственно из реального политического дискурса, т.е. из реальной политической жизни, происходящей на тот момент. В течение нескольких месяцев мы «перелопатили» огромный объём информации, просматривая программы политических партий, выступления руководства страны и лидеров различных партий, выбирая суждения, отражающие самые разные аспекты жизни общества: роль КПСС и многопартийность, проблемы единства страны и возможность конфедеративной формы государства, права республик и республиканское законодательство, управление плановой экономикой и возможности рыночной экономики, проблемы армии и вывода наших войск из Европы, свобода вероисповедания и языковая политика и т.п. по всем важным аспектам внутренней и внешней политики. Использовались также фрагменты политических программ той или иной партии, выдержки из конституции СССР, конституции, предложенной академиком А. Сахаровым и т.п. Предполагалось, что респонденты будут высказывать своё согласие или несогласие по отношению к каждому суждению.

То есть если рассматривать опросник как совокупность дескрипторов или шкал, то можно сказать, что в исследовании использовались униполярные шкалы. Но при этом при отборе высказываний для опросника мы стремились для каждого суждения найти и включить в набор альтернативные ему по смыслу. Это были не формальные, но, скорее, смысловые суждения-антонимы.

В роли респондентов, отвечающих на весьма обширный опросник, выступали лидеры партий и члены руководства, не менее 10 человек для каждой из более чем тридцати обследованных нами партий, суще-

ствовавших на тот момент. Результаты опроса суммировались в матрицу данных, которая обрабатывалась с помощью факторного и кластерного анализа, по результатам которых строились семантические пространства и кластерные структуры политических партий. Работа по анкетированию и обработке материала для нашего минимального коллектива (состоящего всего из двух человек) была крайне напряженной. В роли интервьюера прекрасно зарекомендовала себя О. В. Митина, легко входившая в контакты с нужными политиками. Худощавая и моложавая (чемпионка Москвы по парусному спорту), она походила за студентку или лаборантку, осуществлявшую опрос по заданию руководства, и её внешность была достаточно нейтральна с точки зрения политической или национальной принадлежности. А тут желательно было оставаться максимально неопределенным в плане собственной позиции.

Помню, во время майской демонстрации в городе Новосибирске я буквально «на ходу» проводил интервью с участниками небольшой колонны националистов, шедших под соответствующими лозунгами. Опрос проходил успешно, но тут к нам подошел мой коллега А. П. Назаретян, (с которым мы приехали вместе в Новосибирск на конференцию), обладающий ярко выраженной кавказской внешностью. Негативность восприятия его персоны тут же была перенесена и на меня, и общение было сорвано.

В ходе обследования мы проводили опросы как лидеров политических партий, так и рядовых членов. Относительно легко было вступить в контакт с демократами, левыми, зелёными и коммунистами и очень трудно — с монархистами и националистами. Приходилось общаться и с представителями таких организаций, как «Память» или «Русское национальное движение». Выход на политических лидеров в то время был возможен, так как лидеры партий еще не «забронзовели» и были открыты к общению. Тем не менее наши возможности позволяли нам проводить исследования только в России.

Работа была крайне напряженной и очень энергозатратной. Помню 1 января 1991, когда после встречи Нового года я пришел в лабораторию обрабатывать материалы где-то в 10 часов утра, а через полчаса, не сговариваясь со мной, подошла Ольга Митина. Так работать можно было только на очень большом энтузиазме, в надежде внести и свой вклад в демократизацию общества путем рефлексии происходящих в нем политических процессов.

Главным результатом нашей работы было выделение четырех категорий — факторов, по которым различались политические партии,

построение семантического пространства и нахождение координат каждой партии внутри этого пространства. Ведущим фактором семантического пространства (его значимость определяется на основании вклада фактора в общую дисперсию) оказался фактор: «*Децентрация политической власти в форме конфедерации или союза независимых суверенных государств ↔ Унитарная государственность (единый Советский Союз или православная монархия)*». Стоит отметить, что в проведенном нами пилотажном исследовании 1990 года первое место занимал фактор «*Принятие коммунистической идеологии ↔ Отвержение коммунистической идеологии*», который в ситуации 1991 года переместился на вторую по значимости позицию.

Мой уже упомянутый выше коллега А. П. Назаретян, более нас искушенный в реальной политике, посмотрев полученные нами результаты (по времени ещё до ГКЧП), сделал заключения об исключительно высокой вероятности распада СССР. Я горячо спорил с ним, доказывая невозможность такого развития событий. Уж больно не хотелось в это верить.

Таким образом, полученные нами результаты анализа политической ситуации позволяли более глубокую рефлексию, чем мы с О. В. Митиной изначально предполагали. Третий по значимости фактор был определен как «*Принятие приоритета прав личности ↔ Приоритет прав государства*».

Стоит отметить, что в секторе отрицания приоритета прав личности ради приоритета нации, государства и т.п. оказались только националистические партии и монархисты. Демократы, Зелёные, Правозащитные организации и «КПСС в целом» находились в зоне приоритета прав человека. Возможно, по причине этого революция (или переворот) 1991 года оказалась практически бескровной. Существовавшая на тот момент степень терпимости, толерантности общественного сознания обусловила то, что бойцы спецподразделения «Альфа» отказались штурмовать в августе 1991 года Белый Дом, который являлся центром сопротивления хунте ГКЧП (Государственному комитету чрезвычайного положения), а член ГКЧП, министр обороны Язов, отказался от более активного использования армии, заявив, что он не хочет быть вторым Пиночетом (чилийский диктатор, потопивший в крови чилийскую демократию).

Толерантность общественного сознания (см. (Толерантность как фактор противодействия ксенофобии, 2011)) — ценнейший, но не имеющий общенационального определения запас терпимости, миролюбия населения как во внутренней, так и во внешней политике. Толерантность

основана на чувстве сопереживания, единения всех людей или — более широко — всего живого (вспомним рассказ «Маугли» Киплинга: «Мы с тобой одной крови»).

Наконец, четвёртый фактор-категория семантического пространства политических партий был задан противопоставлением *«Сторонников ↔ Противников демократических преобразований горбачёвской перестройки»*. По этому фактору на одном полюсе оказались демократы, анархисты, левые и правозащитные организации в оппозиции к различным фракциям КПСС (КП РСФСР Полозкова, марксистская платформа в КПСС, коммунистическая инициатива), монархистам и националистам. КПСС в целом по этому фактору заняла нейтральную позицию.

Кластерный анализ также выявил три больших кластера политических партий. Часть этих партий в последующем просто исчезла с политической арены. Первый большой кластер образовывали многочисленные партии демократической ориентации. Демократы вместе с примыкающими к ним правозащитными организациями, Анархистами, Социалистами и Зелёными образовывали самый большой кластер. Другой кластер образовывали Коммунистическая партия, Объединённый фронт трудящихся и различные фракции КПСС. Интересно, что сторонники М. С. Горбачева в КПСС попали в первый кластер вместе с Демократами. Третий кластер составили Националисты, Монархисты, Общество охраны памятников (как политическая организация и религиозно-национальное объединение). Эти три больших кластера (с разными весовыми коэффициентами) и определяли ведущих игроков политического поля России в 1991 году.

К лету 1991 года наше исследование было закончено и была написана большая статья «Семантическое пространство политических партий», которую мы отдали в «Психологический журнал». Статья благополучно вышла в шестом номере этого же года. Мы надеялись, что она вызовет значительный научный и политический резонанс, но наступившие драматические события спутали все наши планы.

В августе 1991 года я впервые выехал в США на конференцию по психолингвистике, проводившуюся в столице штата Нью-Йорк, городе Олбани. Помню тот шок, который охватил меня уже на промежуточной посадке в Канадском аэропорту. После голодной Москвы, при пустых продовольственных прилавках и продуктовых наборах от профсоюза, которые выдавались в качестве поощрения по праздникам, обилие деликатесов в дьюти фри вызвало разве что не слезы. Оказалось, возможно и такое! И сейчас, при не меньшем ассортименте наших продовольственных

магазинов, чем в западных странах, я вспоминаю свой эмоциональный шок с удивлением.

Как могло вызвать стресс то, что вроде бы и есть нормальное состояние для нормальной страны? К хорошему быстро привыкаешь. Но, видимо, в моей генетической памяти содержится и «голодомор», пережитый отцом, дедом и бабушкой на Украине в тридцатые годы прошлого века, и неописуемый страшный голод, пережитый моей матерью, сестрой, бабушкой и дедушкой в блокадном Ленинграде.

В Олбани на конференции я был единственным русским. Мой доклад по проблемам семантического анализа значения вызвал благожелательный интерес, возможно, вследствие интереса американцев к «Перестройке». Девятнадцатого августа, в день, когда я собирался выезжать из Олбани в Нью-Йорк, чтобы затем лететь домой в Москву, мне рано утром позвонили американские коллеги, встревоженные событиями в России. Я включил телевизор и увидел на американском экране идущие на Москву танки. Начинался путч ГКЧП. Американские корреспонденты в нашей стране работали оперативно. Весьма обеспокоенный, я тут же позвонил домой матери, но она, ничего не зная о происходящем, сказала, что всё нормально. Три дня я провел перед телевизором, остро переживая происходящее и сопереживая тем москвичам (среди которых, как оказалось, были и коллеги — психологи и социологи), пришедшим в те дни к Белому дому (дому правительства). Б. Н. Ельцин на танке, выступающий перед защитниками Белого Дома, стал символом демократической революции. Пройдет всего два года, и уже по приказу Ельцина танки будут бить прямой наводкой по Белому дому, в котором находился тогда парламент, контролируемый председателем Верховного Совета Р. Хасбулатовым, вице-президентом А. Руцким и поддерживающим их генералом Макашовым.

Но вернемся к судьбе нашего исследования. В одночасье всё настолько изменилось, что нам казалось, что вся наша работа пошла «коту под хвост». Выпустив одну-единственную статью, мы отказались от дальнейших публикаций нашего исследования, хотя его уникальность позволяла нам их продолжить. Как рассказал мой старший коллега, математик и кибернетик, президент ассоциации Искусственного интеллекта Дмитрий Александрович Поспелов, он видел в библиотеке Конгресса США рекомендацию, призывающую ознакомиться с нашей публикацией.

Наступило экономически тяжелое время. Все маломальские накопления в результате чудовищной инфляции превратились в прах. Мизерное

меньшинство приближенных к власти делали себе состояния на приватизации, подавляющее же большинство населения прозябало в условиях нищеты. И когда в 1992 году нам поступило предложение провести сходное исследование в Казахстане, мы с радостью согласились. Нашим непосредственным заказчиком была небольшая российская социологическая фирма, которой в свою очередь, заказала исследование казахстанская социологическая фирма. Как нам потом рассказывали в Казахстане (о достоверности судить не могу), местные чиновники, подписывая смету на исследование, добавляли нули в общую сумму в свою пользу. Мы же на этом исследовании заработали только на очень нужный для нашей работы компьютер. Но мотивировал к работе сам интерес к Казахстану, в котором я любил бывать и имел много друзей.

Так или иначе, совместно с сотрудником лаборатории И. В. Шевчуком мы вылетели в Алма-Ату для проведения исследования, проведенного по той же схеме, что и в России. Опять мне пришлось просматривать документы и программы казахстанских политических партий, выступлений лидеров и т.п. для отбора высказываний для опросника (благо, большинство текстов были на русском языке.) На тот момент в Казахстане было 10 ведущих партий и практически все они находились в столице. Помимо опроса руководства политических партий, было проведено интервьюирование рядовых граждан различной национальности. Полученные протоколы были сгруппированы по национальному признаку: казахи, русские, представители иных национальностей (уйгуры, корейцы, немцы и пр.), что позволило выявить этнические различия в отношении к политическим партиям. Построив семантическое пространство политических партий Казахстана, мы также проектировали (в форме координатных точек в семантическом пространстве) политические позиции населения раздельно для указанных выше трех национальных групп. Таким образом, мы получили электоральные облака вокруг политических партий применительно к каждой из выделенных национальных групп. Построенные семантические пространства политических партий Казахстана с электоральными облаками (позиций населения) дают визуальную картину позиций партий и их поддержку различными национальными группами населения.

Проведенные исследования позволили выделить четыре базовых фактора семантического пространства, первый из которых был задан оппозицией *«Борьба за национальное казахское государство (Казахстан для казахов) ↔ Борьба за интеграцию с Россией (Казахстан для всех)*

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)